

хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков... Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и неизблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга». А «через три дня он вышел из монастыря».

Все, что говорится здесь об Алеше, было написано Достоевским за много месяцев до его разговора с Сувориным. Тем значительнее соответствие написанного тому, что писатель ему сказал. Достоевский действительно «провел» Алешу через монастырь, в котором тот пробыл всего около года до начала действия романа и меньше недели после этого. «Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером». Здесь не указывается, за что и с кем бился бы Алеша, став «твердым на всю жизнь бойцом». Но «естественность» этого полностью вытекает из более ранней записи Достоевского в одной из его рабочих тетрадей о состоянии умов в современной ему России 70-х годов: «...беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых по тому же) нет... Если есть убеждения страстные, то только разрушительные (социализм)»¹⁴. Еще важнее, что это же вытекает из уже известных нам слов автора о двух жизненных дорогах молодежи последнего времени. А в силу там же подчеркнутой писателем бескомпромиссности Алеши, его жажды скорого подвига, хотя бы и ценою жизни своей, столь же естественно, что, став революционером, он совершил бы «политическое преступление» и его бы «казнили».

Здесь необходимо особо остановиться на последнем и очень существенном слове: «казнили». Н. Роскина указывает, что в автографе «Дневника» оно читается предположительно. К сожалению, и нам — прибавляет она — не удается дать уверенное чтение. Можно с натяжкой прочесть „осудили“, „мучили“, но это не более как предположительное чтение. Характерно, однако, для поэтики Достоевского, что не казнью он завершает судьбу героя»¹⁵. Действительно, в автографе данное слово написано недостаточно разборчиво. Но этим вообще отличается почерк автора «Дневника». Кстати, так же недостаточно разборчиво читается и убедительно исправленное Н. Роскиной слово «полезного». Во всяком случае непосредственное обращение к автографу показывает, что из всех, не только ею (и, действительно, «с натяжкой») предлагаемых, но и вообще возможных вариантов прочтения этого слова, «казнили» является (и без натяжки в отношении его написания) наиболее убедительным¹⁶.

И все же этим еще не снимается до конца вопрос о том, насколько передаваемое Сувориным завершение судьбы героя заслуживает полного доверия, совместимо ли оно с общим мировоззрением (употребленное Н. Роскиной слово «поэтика» к данному случаю не подходит), с политическими взглядами и убеждениями Достоевского?

Ведь в «Братьях Карамазовых» старец Зосима, посылая Алешу «на великое послушание в миру», предвещал, что после многих дел и тяжких испытаний («горя великого») он вновь придет — опять вернется в монастырь. Такое возвращение отвечало бы чаяниям самого писателя: «Церковь как положительный общественный идеал должна была явиться центральной идеей нового романа или нового ряда романов». Так,

¹⁴ Запись около 26 августа 1874 г. «Литературное наследство» т. 77, «Наука», 1965, стр. 129.

¹⁵ Роскина Н. Об одной старой публикации, стр. 253.

¹⁶ ЦГАЛИ, фонд 459, оп. 2, ед. хр. 140, л. 521. По моему приглашению в этой небольшой, но, безусловно, существенной текстологической экспертизе принимали участие Л. М. Розенблюм (редакция «Литературного наследства») и А. Л. Гришунин (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР).